

EDN: DTBBQO

УДК 291.1

«По тихим обителям» Василия Розанова: монастырь и мир – как совместить?

Быкова Екатерина Васильевна¹, Городилова Татьяна Сергеевна²

¹кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-6024-5398. E-mail: ev2_74@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-1837-1515. E-mail: gtspost@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – показать значимость для современной России идей В. Розанова, изложенных в работе «По тихим обителям» (1904). Для обоснования актуальности проводятся параллели между процессами рубежа XIX–XX вв. и сегодняшней действительностью. Подчеркивается, что опыт русской религиозной философии, представителем которой является В. Розанов, может служить источником для построения современных концептуальных подходов к решению вопросов развития духовной культуры и укрепления традиционных ценностей.

Особое внимание уделяется анализу того, как В. Розанов, известный своим критичным отношением к христианской церкви, пытается «примирить монастырь и мир». Центральным объектом изучения становится описание паломнической поездки философа в Сарово-Дивеевские обители, которая стала для него этапом личного «откровения». Герменевтический анализ текста позволил не только раскрыть смысл названия очерка, но и вписать его в контекст авторских метафор и бинарных оппозиций, свойственных философскому мышлению В. Розанова. Подчеркивается способность философа видеть прекрасное в повседневном, когда бытовые детали помогают осознать специфику религиозного переживания. Особое значение придается фигуре Серафима Саровского, его деятельности и живописным образам как источнику примирения философа с официальной доктриной церкви.

Отмечается, что эстетическое восприятие помогает ощутить метафизическое переживание веры, но основой бытия является этика. Размышления о церкви и монашестве связаны с поиском философом направлений духовного обновления человека, осмыслением роли религии и семьи в формировании системы традиционных ценностей.

Ключевые слова: В. В. Розанов, «По тихим обителям», эстетика религиозного искусства, монастырь, Саровская пустынь, религия семьи, традиционные ценности.

На рубеже XIX–XX вв. в условиях секулярной культуры одни представители интеллигенции вступили в полемику с религией, другие обратились к церкви. В философии этот период назвали «религиозно-философским возрождением», поскольку все больше мыслителей уходят от материализма и обращаются к религиозной метафизике, мистике, эстетике. Философы В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков, П. Флоренский, С. Франк осмысливают различные аспекты человеческого существования: культуру, политику, экономику – сквозь призму христианской терминологии и миропонимания. Как отмечают исследователи, философия этого периода «пыталась вывести страну из ситуации духовной растерянности, заняв место утраченной религиозной традиции» [3, с. 12]. Для преодоления «духовной растерянности» в XXI в. имеет смысл обратиться к опыту прошлого, используя его для философского обоснования ценностных ориентиров современного российского государства.

Работы Василия Розанова помогают понять современные религиозные и культурные процессы. Будучи верующим человеком, в своем творчестве он много внимания уделял теме религии в целом и христианской церкви в частности. Философ ратовал за церковное обновление, в результате едва не стал «ересиархом»: от отлучения его спасла бюрократическая волокита и кардинальные социально-политические, религиозные изменения в стране 1917 г. [10]

В розановедении неоднозначное отношение философа к христианской церкви исследовано в различных аспектах, некоторым из них даны критичные оценки. Сложные отношения с православием в контексте личных обстоятельств философа анализируют авторы его биографий: Э. Голлербах [5], А. Николюкин [12], В. Фатеев [22], В. Сукач [19], А. Варламов [4]. Об эволюции религиозных взглядов писали и современники В. Розанова, и авторы научных исследований конца XX – начала XXI в.¹

© Быкова Екатерина Васильевна, Городилова Татьяна Сергеевна, 2025

¹ Широкий спектр мнений представлен в антологии «В. В. Розанов: Pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей» (Москва, 1994).

В фокус внимания попадали известные работы философа: статьи из сборников «Религия и культура», «Около церковных стен», а также сочинения «Темный лик. Метафизика христианства», «Люди лунного света». Но Розанов анализирует христианство, его историю, догматику и культ в работах на другие темы, например в путевых эссе. Их материалы позволяют провести реконструкцию ключевых положений религиозно-философских идей В. Розанова.

Выбор в качестве источника анализа очерка «По тихим обителям» подчеркивает не только актуальность, но и новизну исследования, поскольку он редко становится предметом специального рассмотрения. В контексте жанра путевых очерков он описывается в статьях Н. Нартыева [11], В. Захаровой [6], при изучении «регионального текста» – у Л. Оляндэр [14].

Работа И. Фиялковской-Яняк «Монастырь, монашество в философской системе Василия Розанова» подчеркивает, что, о чем бы ни писал философ, это всегда будет одна книга: «о Боге и Христе, о Ветхом и Новом Завете, о семье и безбрачии, о плоти и аскезе, об Оптиной Пустыни и Саровской обители, о белом и черном» [23, с. 304]. Автор, описывая работы В. Розанова, посвященные двум упомянутым духовным центрам, говорит, что философ противопоставляет «светлую» Оптину Пустынь «темной Саровской», считая это суждение В. Розанова проявлением его «субъективного мироощущения», «симпатий-антипатий» [23, с. 313], включая «антипатию к Преподобному Серафиму» из-за его аскетизма [23, с. 311]. Автор статьи признается, что прямых негативных оценок преп. Серафима у В. Розанова нет, но они существуют «где-то в глубине, в контексте других его работ» [23, с. 311]. Но и упомянутые работы («Смысл аскезы», «Семья и жизнь», «Психология русского раскола» и др.) подобных оценок деятельности святого не содержат. Поэтому выводы И. Фиялковской-Яняк по поводу оценки В. Розановым личности старца Серафима кажутся излишне категоричными и субъективными. Более того, текст очерка этого не только не подтверждает, но и говорит о совершенно ином отношении философа к саровскому подвижнику.

Еще одна работа, где описываются биографические обстоятельства путешествия В. Розанова и анализируется сам очерк, – это раздел «У раки преподобного Серафима» в монографии В. Фатеева «Жизнеописание Василия Розанова» [22]. Название данного текста содержит косвенный ответ на критическое замечание, высказанное предыдущим автором. В. Фатеев подчеркивает, что В. Розанов воспринимает Серафима как отшельника и подвижника. Биограф отмечает ценность данного текста для понимания розановской религиозной концепции: в нем «концентрированно выражены его взгляды на иночество и соотношение монашества и мира» [22, с. 487].

Обращение к материалу путевого очерка позволяет реконструировать идеи философа, показав центральную роль розановской «религии семьи» в объединении «монастыря и мира». Герменевтическая интерпретация текста В. Розанова помогает раскрыть значение авторских метафор и приблизиться к пониманию исходных интенций философа, преодолевая их кажущуюся неоднозначность. Данный подход позволяет продемонстрировать место диалога эстетики и этики в воссоздании целостного взгляда философа.

Очерк В. Розанова «По тихим обителям» был написан после паломнической поездки в 1904 г. в монастыри Нижегородской губернии. Автор с семьей посетил их через год после канонизации святого Серафима, «угодника всех трех обителей, Саровской, Дивеевской и Понетаевской». Впервые очерк был опубликован в 1904 г. в газете «Новое время», а затем включен в книгу «Темный лик. Метафизика христианства» (1911). Саровская пустынь не только привлекла внимание философа как место общероссийского паломничества к Серафиму Саровскому, но и стала местом личного «откровения».

Философ рассматривает православный монастырь, вписывая его в повседневную жизнь российской провинции. Активная деятельность обители и повседневная жизнь внутри и за ее пределами осмысливаются на страницах очерка. Путешествие он описывает с присущим ему вниманием к бытовым и прозаическим деталям: качество дорог и стоимость жилья, обстановка в кельях, количество паломников, погодные особенности. Из этих «мелочей жизни» вырастает своеобразное переживание личного религиозного опыта, которое приводит к метафизическому откровению о смысле веры вообще и о тайне рождения религиозного чувства. Паломничество вернуло В. Розанова к его традиционным рассуждениям о семье, церкви и монашестве. Поездка стала для него, «почти враждующего», по собственному признанию, с монастырями, тем опытом, который если и не заставил кардинально изменить свой взгляд, то помог отчасти «примирить» его с монашеством.

Во многих работах он упрекает христианскую церковь за то, что при высокой роли в ней практик отшельничества, аскезы она в то же время взяла на себя попечительство о деторож-

дени, семье и браке: ввела своеобразную «цензуру семьи», правила семейной жизни. В. Розанов восклицает: «Отшельники и монахи, “оставив пустынное житие”, пришли к нам!», и получила «убийственная вещь – гроб, в который теперь заколочена семья» [17, с. 183]. Однако именно брак мыслитель определяет, в духе своей «религии семьи», как явление «Божие», а монашеское безбрачие как «человеческое». Он задается вопросом: разве не именно семья важна для сохранения нации, ее здоровья, ее здоровых нравов, быта, духа?

Парадокс «тихих обителей» заключается в том, что в этих монастырях Розанов получает ответы на свои вопросы, а в монашеской жизни и поклонению Серафиму Саровскому видит ценность и полноту бытия (не аскетизм, о котором говорит И. Фиялковская-Яняк). Жизненный путь Угодника, как его называют паломники, его подвижническая деятельность стали для философа источником примирения с официальной доктриной церкви, поскольку святой своим примером учил человека смирению и труду, тем самым сближая монастырь и мир.

Подтверждение этой мысли находится в другом путевом очерке – «Киев и киевляне». В. Розанов называет Серафима в числе других православных святых «великим трудовиком». Он характеризует его как «великое “служилое лицо” русской истории» [16, с. 555], подчеркивая, что тот несет свою службу как обычный человек, его цель – помощь людям в повседневных заботах в виде совета «от разума и по молитве». Но именно в этой обыденности решаемых Серафимом задач и заключается, по мнению философа, его величие: «святой “строит душу” человека», подобно тому как мужик строит избу [16, с. 556]. В. Розанов с огромным уважением относится к личности преподобного Серафима и считает факт его канонизации настоящим чудом. Об антипатии к нему, а значит, и об отношении к его обители как «темной» речи не идет. Напротив, Саровская пустынь дарит В. Розанову ощущение полноты и красоты жизни, сорадования природе, мирским и семейным заботам.

Вопрос о взаимоотношениях церкви и семьи для В. Розанова не предмет абстрактных размышлений. Это источник личных переживаний, связанный с непризнанием церковью его второго брака как законного, а значит, и детей, рожденных в нем. Поэтому он критично оценивает официальную церковь и монашество с его точки зрения, сама идея христианской святости строилась на нарушении изначальной заповеди «плодитесь и размножайтесь», а монашеский аскетизм в целом враждебен жизни.

Как отмечает М. Маслин, вопрос о семье ставился философом в широком общественном контексте: «Он вёл неустанную борьбу против церковного регулирования брака, имея в виду защиту ценностей любви и семьи, которые он считал важнейшими в жизни человека» [9, с. 119]. Поэтому В. Розанов нередко сравнивает Ветхий Завет как религию плоти и чадородия с Новым Заветом как религией аскетизма и монашества. Философ считал, что христианская церковь со временем все больше «ущемляет» пол, семью, чего не было в древности.

Тем интереснее его комментарий по поводу Сарово-Дивеевских обителей: как бы ни был «чужд идей монастыря и всего монашеского духа, я был очарован виденным; очарован, восхищен – и воображение мое закружилось идеями, совершенно противоположными тем, к каким я привык» [18, с. 243]. Посетив монастырь, он сформулировал важную мысль: «Все познается через противоположности... не побывав в отрицании жизни, – не вкусил бы так остро самой жизни» [18, с. 277]. Сравнительный анализ бинарных оппозиций – это ключ к пониманию текстов В. Розанова. К чтению и осмыслению его работ, пишет А. Николюкин, можно приступить, «только принимая во внимание подобное “своеобразие” антиномического мышления... его экзистенциалистский протезизм» [13, с. 175].

Зарубежные исследователи также подчеркивают эту специфику розановского дискурса: «Ему свойственна парадигма, <...> состоящая из парных оппозиций: дом – внешний мир, я – другой, жизнь – литература, конкретное – абстрактное» [24, с. 168]. Отмечается, что обыденное не противостоит универсальному, а наоборот, включает его, в том числе благодаря диалогу этического и эстетического сознаний.

В. Розанов скептически относится к рациональной форме философствования, полагая, что постичь человека можно и через образы искусства и своего рода «бессистемную» философию, пример которой демонстрирует в очерке. Как отмечает О. Акимов, философ при осмыслении истории скорее «создает образ *исторического*, не связанный с интерпретацией истории как таковой» [1, с. 354]. Это его способ метафизического истолкования на основе исторических примеров и с помощью особой манеры описания. Важную роль в символическом понимании истории христианства В. Розановым играют такие бинарные понятия, как «светлый – темный», «смерть – жизнь», «день – ночь», «черное – белое».

В «Тихих обителях» добавляются оппозиции «монотонность – разнообразие», «устойчивость – подвижность». Название очерка отсылает к метафорам «шума и тишины». О противопоставлении этих понятий пишет О. Акимов, когда сравнивает внешний и внутренний «пределы» интерпретации философом истории. К внешнему им относится история человечества, счастье народов, которое «интересует Розанова как история “шумов, событий”, что составляет внешнюю сторону описаний. <...> Другой предел – история “молчания”, того, о чем “было промолчено” <...> Область абсолютного существует для Розанова как объединение внешнего и внутреннего предела» [1, с. 363]. Тишина и молчание – это важные образы, отсылающие к пониманию духовных процессов.

А. Налепин приводит интересный факт из жизни философа, который описывают как «молчаливый диспут». Речь идет о встрече В. Розанова со святителем Феофаном, ректором Санкт-Петербургской духовной академии. Они прогуливались по саду Академии, и философ начал «очень возбужденно и громко обличать монашество. Владыка в ответ молчал, не отвлекаясь от молитвы» [10, с. 25]. В. Розанов продолжил свою критику, но, не услышав возражений, призадумался: «Стал терять нить своих размышлений, повторяться. Владыка Феофан по-прежнему молился молча. <...> гость остановился, посмотрел долгим взглядом на Владыку и тихо-тихо, как бы самому себе, неожиданно сказал: “А может быть, Вы и правы!”» [10, с. 25]. А. Налепин делает вывод о том, что в этом диспуте победил догмат «священного безмолвия», а В. Розанов, который тяготел к нему в своей художественной стилистике, «почувствовал и прочувствовал неожиданные неисчерпаемые стилистические возможности феномена молчания» [10, с. 24–25]. Поэтому характеристика им обителей как «тихий» объясняет тот факт, что именно в них В. Розанов отчасти примирился с монашеством, как и в диспуте, «признал правоту» христианского учения, пусть и не во всех его догматических проявлениях.

Церковный историк Е. Поселянин, лично знакомый с В. Розановым, пишет, что тот был только «с виду – враг монашества», а на самом деле «глубоко религиозная душа», которая после посещения раки старца «растекается в нежном умилении», поскольку «чувствует там не меч, а ласку, направленную на всю широту жизни, греющую и эту семью, и падает, и благоговееет, и целует народные слезы... проливаемые у этой раки Серафима Саровского» [15, с. 169–170]. Обители дали В. Розанову переживания, которые, по его мнению, можно было получить лишь при соприкосновении с древними религиями. Ему гораздо ближе по духу Ветхий Завет, который он называет книгой радостной и светлой, многообразной, а Новый Завет – холодной и темной, монотонной.

Христианский культ он рассматривает в категориях дня и ночи, описывая астрономические явления как этико-эстетические концепты: «Ночь более одушевлена, чем день: но не рациональным оживлением, а полетом скорее мистических сторон души...» [18, с. 275] Он подчеркивает, что говорит не столько о службах в прямом смысле, сколько о психологии веры. Затем, размышляя о символике «черного» и «белого» в монашеской одежде, задается вопросом: как возникло «их устройство»? Он подмечает цветовое отличие в церковной иерархии: «Все монашество – в черных мантиях и клобуках (ночь), без единой в одежде белой, или серой, или цветной полоски» [18, с. 276]. Однако у митрополита, тех, в ком «венчается монашество», черные одежды венчаются «чистым белым клобуком», подобно тому как «черные посты увенчиваются торжеством Пасхи [18, с. 277]. Эта закономерность прослеживается В. Розановым повсюду: от живописи до одежд, в делении духовенства на черное и белое, наличии дневных и ночных служб в монастыре.

Из эстетических наблюдений философ делает вывод о сути христианского учения: «Вся жизнь есть грех, антибожественное... а вот после смерти – белое сияние, вечная жизнь, зрение Бога», то есть «весь клинок христианства – черный; но лезвие – белое» [18, с. 276]. Такая символика одежды и обрядов нигде не прописана, говорит В. Розанов, поэтому это не догматика. Но – важнее догмата, «ибо пронизывает всю ткань христианства, от основания до вершины, и составляет самую душу его» [18, с. 277]. Поэтому монастырь как эталонное воплощение сути христианства оказывается со светлой и жизнерадостной живописью, и это чувствуют верующие, устремляясь в паломничества к обителям.

В. Розанов считает, что христианство живет не теми тезисами, какие вслух произносит (официальная доктрина, догматика, таинства), а теми, «каких никогда не выговаривает». На уровне сознания и рефлексии верующие даже не знают о них, но сердца «бьются с ними в такт».

Искусство «тихий обителей» стало для В. Розанова объяснением того, почему в городских храмах верующие, и он в том числе, чувствуют скуку и усталость: в них преобладает чер-

ная краска, а «в монастырских она совсем почти не видна». Архитектура, живопись, убранство обителей глубже влияют на веру и психологию людей: «Сияют куполами и крестами великолепные храмы: позолота, книги, живопись, пение, самый нрав, обычай, весь внешний облик являют чрезвычайную тонкость, самый изощренный вкус» [18, с. 242–243].

Церковная служба становится для философа религиозным и важным эстетическим переживанием: наблюдая за богослужением и стройными рядами сотен «черных дев», он отмечает их светлые, приветливые лица и приходит к выводу, что это всё – «большая сила и красота!» [18, с. 244–245]. Этот опыт позволяет понять более глубокие смыслы веры, чем дает знание догматов и всем известных «семи таинств». В. Розанов пишет, что в религии есть еще «таинства», которые невозможно «посчитать по пальцам», как-то сформулировать их, но их присутствие не почувствовать невозможно.

Философу импонирует, что в живописи Сарово-Дивеевских обителей есть сюжеты семейные, семейно-трудо-вые, общественные, которые выступают для верующих связующим звеном между монастырем и миром. Он задается вопросом: как сочетается с монашескими идеями «тления и кончины всех вещей» эта семейная живопись монастыря [18, с. 274]? В ней он не находит ничего «собственно монашеского», наоборот, видит «одушевление, жизнь, полет», а все молящиеся как будто получают крылья и летят.

Посещая Понетаевскую обитель, В. Розанов отмечает, что здесь организована живописная мастерская, в которой игуменья была художницей, «получила крест в Петербурге за рисованье». Философ не называет художественные практики монастыря иконописанием, а предсудомнительно использует светские понятия «художник», «за рисованье», «рисовальная школа», не забыв упомянуть, что тамбовский епископ Иннокентий сделал заказ монастырю на почти 50 икон преподобного Серафима. Для философа как ценителя «паутинок быта» эта деталь очень важна: он отмечает, что «монастырь богатеет», на «старое богатство льется новое богатство». Однако имеется в виду благополучие не столько материальное, сколько духовное, которое произрастает из готовности к диалогу между церковью и миром.

Живописный образ Серафима, представленный в обителях, и по форме, и по содержанию работает на идею встречи монастыря и мира. В храме Дивеевской обители В. Розанов обращает внимание на росписи над дверями, на которых изображен преподобный. Исследователь иконописного ремесла О. Тарасов отмечает, что «знаковая структура моленного образа чутко отражала перемены в религиозной психологии и общие направления того или иного типа культуры» [21, с. 15].

Преподобный Серафим показан с подходящим к нему медведем. Согласно преданию, к святому в его лесную избушку приходил за сухариками медведь и Серафим кормил его с руки. В. Розанов хочет купить «икону Преподобного Серафима с медведем», но выясняется, что этот сюжет может быть только картиной, а «не образом».

Однако предложенные иконографические изображения старца не отражают важную для В. Розанова идею – связанности с природой, с жизнью, трудом и повседневными заботами. По его мнению, верующие, «прочитав» живописные жития святых в храмах, перекрестятся и пойдут «не в пустыню, не для экстазов и видений: а – “домой», для труда, для работы, около семьи, дома, села, города» [16, с. 555–556]. Поэтому ему и не понятно, почему Серафим Саровский, который молится на камне, кормит медведя, просто идет в лесу с посохом и топором за поясом, – всё это может быть объектом поклонения, но это не может быть изображено на иконе? [18, с. 260] Получается противоречие: жизнь Серафима признана святою, ее нужно почитать, но изобразить ее на иконе «как есть» нельзя, а значит, перед ней нельзя поставить свечи, прочитать молитву. По мнению В. Розанова, если бы в изображении присутствовал сюжет не просто понятный, но и важный обычному человеку, пришедшему помолиться угоднику, то «монастырь и мир» вновь бы метафизически встретились.

Недостаток христианства и монастыря как его бесспорной вершины В. Розанов видит в том, что они оказались чужды многообразию жизни: «Семья ли, общество ли, государство и его учреждения – все это просто явления языческого порядка, к которым Евангелие никак не пристало и они никак не пристали, не подошли к Евангелию» [18, с. 248]. Духовная ценность обителей для В. Розанова заключается в наличии в них неканонических изображений Серафима, сохранении его «тропинки», святого источника – всё это примеры сближения монастыря и мира.

В. Биbihин отмечает, что «в том, как Розанов берет и повертывает простые наблюдаемые вещи, есть феноменологическая хватка, ловкость мастера» [2, с. 10]. Подобная «хватка» фило-

софа не позволяет ему пройти мимо не только великолепных монастырских ансамблей, уникальной храмовой живописи, но и скромной «землянки Серафима», его огородика и тропинки к источнику. Не любя монашества, он поражается тому великому преобразованию, какое производит в человеке, даже таком скептическом, как он, обстановка и дух монастыря [18, с. 244].

Сарово-Дивеевские обители были построены и расписаны в XVIII–XIX вв. Для философа они могли стать примером современных монастырей, которые воспринимаются им как символ ухода от мира, отречения от полифонии жизни. Это пусть и прекрасное, но «монотонное явление»: «В монастыре все выдержано. Нет противоречий. Нет несовместимых разных культур на одном вершке пространства. Поэтому-то он давит на душу, очаровывает просто потому, что это цельно и едино, а следовательно – убежденно и последовательно!» [18, с. 248]. Христианским отшельникам, по мнению В. Розанова, также присущ особый «стиль душ – монотонно-сильных», поскольку в монахи «не годится человек с разнообразием и неустойчивостью в душе» [18, с. 248]. Человечество не только не могло, но оно и не должно жить таким «монотонным явлением», пусть и прекрасным.

Покидая монастырь, философ признается, что, будучи поражен его «великой эстетикой», выехав из него, увидев леса и поля, сказал ямщику: «Здесь лучше, с этими... *веселее*. И “веселее” – не дурным весельем, а просто в смысле “легче стало”» [18, с. 279].

Таким образом, В. Розанов, исследуя эстетику религиозной живописи, акцентирует внимание на ее символической и эмоциональной составляющих. Как отмечают исследователи, говоря о розановском понимании живописи, тот показывает ее как религиозно-онтологический феномен, который «воссоздает энергию и силу мира», носит метафизический характер [7]. Философ задается онтологическим вопросом: кто выживет, победит в судьбах истории и мира – эстетика или этика? Лик Иисуса Христа «с Его испепеляющей красотой, <...> покорившей языческий мир»? Или это будет «столп земли с его тяготами, с механикой и геометрией»? [18, с. 279] Созерцая красоту местных храмов, В. Розанов приходит к выводу, что «эстетические нити» все-таки белые и холодные. «*Теплота* мира» (курсив В. Розанова) содержится в любви семейной, в заботах о доме и пропитании детей («мои черноглазые дети»), в привязанностях к миру: «Моя лошадь! моя жена! мои дети!» [18, с. 279]

Философ пишет, что все «это – этика. Это – уже не эстетика» [18, с. 280]. Так он объясняет себе евангельское предсказание о том, что «к концу мира – *охладет* любовь». Для В. Розанова последние дни мироздания начнутся с того, что «разожмутся объятия, в которых держит человек прекрасную землю-родину и земные твари» [18, с. 280]. Эсхатологические переживания преодолеваются им сразу, как только он выезжает из монастыря и погружается во «всю реальность бытия»: звуки, шлепанье грязи, запах дегтя от колес, овраги и плохие дороги. Все они ведут «окончательно домой!», «ближе ко щам» и вкусу самой жизни.

Это и есть для философа космологический «пуп земли», столп мира – универсальный образ, который для него важнее догмата и таинств. Он восклицает: «Ну ее, всю эту мистику, и белые и черные сияния, и музыку дня и ночи» [18, с. 277]. В этом контексте становится понятен комментарий А. Лосева про поездку философа к мощам Серафима о том, что ему свойственно воспринимательское отношение ко всему, а есть ощущаемый факт на самом деле или нет, его не интересует, как и его истинность. Философа интересует только личное переживание этого факта. А. Лосев заключает, что В. Розанов «все знал до глубины и ни во что не верил» [7]. Однако последнее утверждение все-таки противоречит тому, что пишет сам философ в путевом очерке.

Он верит в незыблемые основания бытия: «земля-родина», теплота семьи, полнота и единство жизни (от продолжения себя в детях до наслаждения «запахами и вкусами» дома и природы). Это те ценности, которые, по его мнению, преодолевают христианское учение о разделении «уз между людьми и с землей» [18, с. 278]. Как отмечает А. Юр, сущность розановской идеи преобразования православной церкви состоит в отказе от ее «зачарованности эсхатологией», возвращении к миру и готовности благословить русский народ на «телесное и духовное возрастание и творчество», осуществимое только в лоне семьи, понятой как абсолютная ценность [25].

В. Розанов в данном очерке утверждает, что «эстетика – это миг, а вечность – именно не эстетика, и даже что-то отрицательное в отношении ее. <...> Эстетически можно умереть, прожить – никак нельзя эстетически, и здесь – права жизни, реализма» [18, с. 279]. Ценность эстетического восприятия заключается в возможности каждому ощутить то метафизическое переживание веры, которое не всегда возможно рационально обосновать и описать словами.

В. Розанов формулирует важную мысль: в онтологическом споре об основаниях бытия побеждает все-таки этика, а не эстетика. Эта идея обретает особо актуальное звучание для современного мира, утратившего веру в прежние идеалы, ищущего новые ценностные осно-

вания жизни. Текст очерка «По тихим обителям» – яркий пример того, как искусство способно вызывать экзистенциальные переживания о смысле жизни и веры.

В. Розанов наметил целый ряд тем, ставших предметным полем современных гуманитарных исследований, во многом предвосхитив эти направления. Мыслитель предвидел те беды, которые могут привести к коллапсу семьи, если она будет лишена социальной и духовной опоры, поэтому в его концепции она выступает как высшая ценность. Изучение наследия В. Розанова позволяет использовать его идеи для обоснования важности сохранения таких традиционных ценностей, как семья, дети, труд и подвижничество, любовь к отчужденному дому и отчужденности, тем самым указав возможные выходы из «антропологического и аксиологического кризисов» нынешних дней.

Список литературы

1. Акимов О. Ю. Творчество В. В. Розанова: техника описания и теория изменения вещей как образ исторического осмысления действительности // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15. № 3. Ч. 2. С. 353–368. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2.
2. Бибихин В. Время читать Розанова // Розанов В. В. Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1996. С. 9–25.
3. Бродский А. И., Рыбас А. Е. Проекты Серебряного века: философские идеи русского модерна. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 324 с.
4. Варламов А. Н. Имя Розанова. М.: Молодая гвардия, 2022. 512 с.
5. Голлербах Э. Ф. В. В. Розанов. Жизнь и творчество. Paris: YMCA-Press, 1976. 111 p.
6. Захарова В. Т. Жанр путевого очерка в творчестве В. В. Розанова («Русский Нил») // Типология художественного сознания в русской литературе XVIII–XX вв. Н. Новгород, 2010. С. 36–41.
7. Калякин Ю. И. Тема искусства в творчестве В. В. Розанова // Манускрипт. 2016. № 11-2 (73). С. 113–115.
8. Лосев А. Ф. О Розанове // А. Ф. Лосев. Из бесед и воспоминаний. Студенческий меридиан. № 8. 1988. С. 20–27.
9. Маслин М. А. Русская мысль в письмах В. В. Розанова и П. П. Перцова. Новые материалы (1896–1918) // Отечественная философия. 2024. Т. 2, № 1. С. 116–128. DOI: 10.21146/2949-3102-2024-2-1-116-129.
10. Налепин А. Л. Василий Васильевич Розанов как несостоявшийся ересиарх (к истории дела о предании автора брошюры «Русская церковь» церковному отлучению (анафеме)) // Энтелехия. 2003. № 7. С. 22–25.
11. Нартыев Н. Н. Религиозно-философская проблематика путевых очерков В. В. Розанова // Вестник ВолГУ. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. Вып. 11. 2012. С. 36–43.
12. Николукин А. Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2001. 512 с.
13. Николукин А. Н. Как мыслил Розанов и почему современники не поняли его // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 171–175.
14. Оляндэр Л. К. Нижегородский текст в ракурсах М. Горького и В. В. Розанова // Нижегородский текст русской словесности: сб. ст. по материалам V Междунар. науч. конф. Н. Новгород, 2015. С. 78–88.
15. Поселянин Е. Н. Религиозная эволюция г. Розанова (по поводу книги «Уединенное») // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. СПб., 1995. С. 169–173.
16. Розанов В. В. Киев и киевляне // Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. М., 1994. С. 537–563.
17. Розанов В. В. Монашество и семья, церковь и нация // Розанов В. В. Собр. соч.: Русская государственность и общество (статьи 1906–1907 гг.). М., 2003. С. 177–184.
18. Розанов В. В. По тихим обителям // Розанов В. В. Сочинения: Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков, 1899–1913 гг. М., 1994. С. 237–280.
19. Сукач В. Г. Василий Васильевич Розанов: биографический очерк. Библиография. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. 224 с.
20. Сукач В. Г. Розанов // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 448–452.
21. Тарасов О. Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России. М., 1995. 496 с.
22. Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 1056 с.
23. Фиалковска-Яняк И. Монастырь, монашество в философской системе Василия Розанова // Оптина Пустынь: монастырь и русская культура: материалы междунар. симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19–23 апр. 1990 г. М., 1993. Вып. 1. С. 300–318.
24. Hutchings S. C. Breaking the circle of the self: Vasili Rozanov's discourse of pure intimacy // Russian Modernism. The transfiguration of the everyday. Cambridge, 2004. Pp. 168–193.
25. Ure A. Vasili Rozanov and the Creation: Edenic Vision and the Rejection of Eschatology. N. Y.: Continuum, 2011. 272 p.

"The Quiet Abodes" by Vasily Rozanov: How to Reconcile Monastery Life with the Secular World

Bykova Ekaterina Vasilievna¹, Gorodilova Tatyana Sergeevna²

¹PhD in Arts, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology, and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-6024-5398. E-mail: ev2_74@mail.ru

²PhD in Philosophy, associate professor of the Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-1837-1515. E-mail: gtspost@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to show the significance of V. Rozanov's ideas, presented in his work "In the Quiet Abodes" (1904), for modern Russia. To justify the relevance, parallels are drawn between the processes of the late 19th and early 20th centuries and today's reality. It is emphasized that the experience of Russian religious philosophy, to which the philosopher belongs, can serve as a source for building modern conceptual approaches to addressing the issues of developing spiritual culture and strengthening traditional values.

Special attention is paid to the analysis of how V. Rozanov, known for his critical attitude towards the Christian Church, attempts to "reconcile the monastery and the world." The central focus of the study is the description of the philosopher's pilgrimage to the Sarovo-Diveevsky monasteries, which became a stage of personal "revelation" for him. The hermeneutical analysis of the text allowed us to reveal not only the meaning of the essay's title, but also to place it within the context of the author's metaphors and binary oppositions that are characteristic of V. Rozanov's philosophical thinking. The article emphasizes the philosopher's ability to see beauty in the everyday, where everyday details help to understand the specifics of religious experience. Special attention is given to the figure of Seraphim of Sarov, his activities, and his vivid images as a source of reconciliation between the philosopher and the official doctrine of the church.

While aesthetic perception facilitates metaphysical religious experience, ethical principles constitute ontological grounding. Ecclesiastical and monastic contemplations reflect the philosopher's inquiry into paradigms of spiritual revival, examining how religion and family structure traditional value systems

Keywords: V. V. Rozanov, "The Quiet Abodes", Aesthetics of Religious Art, Monastery, Sarov Desert, Family Religion, Traditional Values.

References

1. Akimov O. Ju. *Tvorchestvo V. V. Rozanova: tehnika opisaniya i teoriya izmeneniya veshnej kak obraz istoricheskogo osmysleniya dejstvitel'nosti* [Creativity of V. V. Rozanov: the Technique of Description and the Theory of Change of Things as an Image of Historical Understanding of Reality] // *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 2023. Vol. 15, No. 3. Ch. 2. Pp. 353–368.
2. Bibihin V. *Vremya chitat' Rozanova* [Time to Read Rozanov] // *Rozanov V. V. Sochineniya: O ponimani. Opyt issledovaniya prirody, granic i vnutrennego stroeniya nauki kak cel'nogo znaniya – Rozanov V. V. Works: On Understanding. An Experiment in Researching the Nature, Boundaries, and Internal Structure of Science as Integral Knowledge*. M., 1996. Pp. 9–25.
3. Brodskij A. I., Rybas A. E. *Proekty Serebrjanogo veka: Filosofskie idei russkogo moderna* [Projects of the Silver Age: Philosophical Ideas of Russian Modernism] SPb., Publishing house of St. Petersburg University, 2013. 324 p.
4. Varlamov A. N. *Imya Rozanova* [Rozanov's Name] M., Molodaja gvardija (Young Guard), 2022. 512 p.
5. Gollerbah Je. F. *V. V. Rozanov. Zhizn' i tvorchestvo*. [V. V. Rozanov. Life and Work]. Paris, YMCA-Press, 1976. 111 p.
6. Zaharova V. T. *Zhanr putevogo ocherka v tvorchestve V. V. Rozanova ("Russkij Nil")* [The Genre of Travel Essay in the Works of V. V. Rozanov ("Russian Nil")] // *Tipologija hudozhestvennogo soznaniya v russkoj literature XVIII–XX vv. – Typology of artistic consciousness in Russian literature of the 18th–20th centuries*. N. Novgorod, 2010. Pp. 36–41.
7. Kaljakin Ju. I. *Tema iskusstva v tvorchestve V. V. Rozanova* [The Theme of Art in the Works of V. V. Rozanov] // *Manuskript – Manuscript*. 2016. No. 11-2 (73). Pp. 113–115.
8. Losev A. F. *O Rozanove* [About Rozanov] // *A. F. Losev. Iz besed i vospominanij. Studentcheskij meridian-Student Meridian – A. F. Losev. From Conversations and Memories. Student Meridian*. No. 8. 1988. Pp. 20–27.
9. Maslin M. A. *Russkaja mysl' v pis'mah V. V. Rozanova i P. P. Percova. Novye materialy (1896–1918)* [Russian Thought in the Letters of V. V. Rozanov and P. P. Pertsov. New Materials (1896–1918)] // *Otechestvennaja filosofija – Russian Philosophy*. 2024. Vol. 2. No. 1. Pp. 116–129.
10. Nalepin A. L. *Vasilij Vasil'evich Rozanov kak nesostojavshijsja eresiarch (K istorii istorii dela o predanii avtora broshjury "Russkaja cerkov'" cerkovnomu otlucheniju (anafeme)* [Vasily Vasilyevich Rozanov as a Failed Heresiarch (On the History of the Case of the Church Excommunication (Anathema) of the Author of the Pamphlet "The Russian Church")] // *Jentelehija – Entelechia*. 2003. No. 7. Pp. 22–25.
11. Nartyev N. N. *Religiozno-filosofskaja problematika putevyh ocherkov V. V. Rozanova* [Religious and Philosophical Problems of V. V. Rozanov's Travel Sketches] // *Vestnik VolGU. Serija 8: Literaturovedenie. Zhurnalistska – VolSU Bulletin. Series 8: Literary Studies. Journalism*. No. 11. 2012. Pp. 36–43.
12. Nikoljukin A. N. *Rozanov*. M., 2001. 512 p.

13. Nikoljukin A. N. *Kak myslil Rozanov i pochemu sovremenniki ne ponjali ego* [How Rozanov Thought and Why His Contemporaries Did Not Understand Him] // *Rossija i sovremennij mir – Russia and the Modern World*. 2007. No. 1. Pp. 171–175.
14. Oljandjer L. K. *Nizhegorodskij tekst v rakursah M. Gor'kogo i V. V. Rozanova* [The Nizhny Novgorod Text in the Perspectives of Maxim Gorky and Valentin Rozanov] // *Nizhegorodskij tekst russkoj slovesnosti : Sb. st. po materialam V Mezhdunar. nauchnoj konferencii – Nizhny Novgorod text of Russian literature: collection of articles based on the materials of the V International scientific conference*. N. Novgorod, 2015. Pp. 78–88.
15. Poseljanin E. N. *Religioznaja jevoljucija g. Rozanova (po povodu knigi "Uedinennoe")* [The Religious Evolution of Mr. Rozanov (on the book "The Secluded One")] // V. V. Rozanov: pro et contra. Vol. II. SPb., 1995. Pp. 169–173.
16. Rozanov V. V. *Kiev i kievljane* [Kiev and the People of Kiev] // *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo... Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899–1913 gg.* – Rozanov V. V. Works: Another land, another sky... Complete collection of travel essays, 1899–1913. M., 1994. Pp. 537–563.
17. Rozanov V. V. *Monashestvo i sem'ja, cerkov' i nacija* [Monasticism and the Family, Church and Nation] // *Sobr. soch.: Russkaja gosudarstvennost' i obshhestvo (Stat'i 1906–1907 gg.)* – Rozanov V. V. Collected Works: Russian Statehood and Society (articles from 1906–1907). M., 2003. Pp. 177–184.
18. Rozanov V. V. *Po tihim obiteljam* [The Quiet Abodes] // *Sochinenija: Inaja zemlja, inoe nebo... Polnoe sobranie putevyh ocherkov, 1899–1913 gg.* – Rozanov V. V. Works: Another land, another sky... Complete collection of travel essays, 1899–1913. M., 1994. Pp. 237–280.
19. Sukach V. G. *Vasilij Vasil'evich Rozanov: Biograficheskij ocherk. Bibliografija*. [Vasily Vasilyevich Rozanov: A Biographical Sketch. Bibliography] M., Progress-Plejada, 2008. 224 p.
20. Sukach V. G. *Rozanov* [Rozanov] // *Russkaja filosofija. Malyj jenciklopedicheskij slovar'* – Russian Philosophy. A Small Encyclopedic Dictionary. M., 1995. Pp. 448–452.
21. Tarasov O. Ju. *Ikona i blagochestie. Ocherki ikonnogo dela v imperatorskoj Rossii* [Icon and piety. Essays on icon painting in Imperial Russia]. M, 1995. 496 p.
22. Fateev V. A. *Zhizneopisanie Vasilija Rozanova* [The Life of Vasily Rozanov] SPb., Pushkinskij Dom (Pushkin House), 2013. 1056 p.
23. Fijalkovska-Janjak I. *Monastyr', monashestvo v filosofskoj sisteme Vasilija Rozanova* [Monastery, Monasticism in the Philosophical System of Vasily Rozanov] // *Optina Pustyn': monastyr' i russkaja kul'tura: materialy mezhdunar. simpoz. v g. Bergamo (Italija), 19–23 apr. 1990 g.* – Optina Pustyn: Monastery and Russian Culture: Proceedings of the International Symposium in Bergamo (Italy), April 19–23, 1990. M., 1993. Is. 1. Pp. 300–318.
24. Hutchings S. C. *Breaking the circle of the self: Vasilii Rozanov's discourse of pure intimacy* // *Russian Modernism. The transfiguration of the everyday*. Cambridge, 2004. Pp. 168–193.
25. Ure A. *Vasilii Rozanov and the Creation: Edenic Vision and the Rejection of Eschatology*. N. Y. : Continuum, 2011. 272 p.

Поступила в редакцию: 24.03.2025

Принята к публикации: 22.05.2025